

Погосян Гурген Каджикович

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Аннотация:

В статье анализируется этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе в политико-правовом измерении, который трансформировался от внутрисосударственных межэтнических столкновений к межгосударственному конфликту, затрагивающему вопросы региональной безопасности многих стран Черноморско-Каспийского региона (Грузии, Турции, Ирана, России).

Ключевые слова:

этнополитический конфликт, международные институты, политико-правовые процессы, региональная безопасность.

Poghosyan Gurgen Kajikovich

POLITICAL AND LEGAL TRANSFORMATION OF THE CONFLICT IN NAGORNY KARABAKH

Summary:

The article analyzes the ethno-political conflict in Nagorny Karabakh in the political and legal context, which has been transformed from the domestic ethnic collisions to the interstate conflict, affecting the regional security issues in many countries of the Black Sea and the Caspian region (Georgia, Turkey, Iran, Russia).

Keywords:

ethno-political conflict, international institutions, political and legal processes, regional security.

Среди политических конфликтов, которые возникают и трансформируются в современном мире, этнополитические конфликты занимают по масштабам экономических и социальных разрушений основное место. Как заметил В.А. Михайлов, «наступает эпоха тотального противостояния. События разворачиваются по принципу «зеркального» причинения, когда практически все твои дела и поступки бумерангом возвращаются тебе же. В этой «войне двойников» действие всегда равно противодействию. Здесь уже окончательно пропадают правые и виноватые, остаются лишь бедствующие. Такая динамичная статистика, то есть борьба предоставленных самим себе идентичных противоположностей, может продолжаться сколько угодно долго и в основном теперь уже исключительно военными средствами» [1].

Нагорный Карабах – это исторически и культурно сформировавшийся горный край. Исторически этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе существует со времен окончания I Мировой войны в полулатентном виде, однако фактически этноконфликтные столкновения привлекли внимание со стороны политиков, дипломатов и правозащитников только в последние годы существования Советского Союза, когда конфликт фактически стал настоящей широкомасштабной войной между Арменией и Азербайджаном.

«Повышение значимости этнического фактора в 1990-е гг. связывают с различными причинами. Основными среди них считаются: образование большой группы новых государств, стремление к сохранению национального «я» (этнической идентичности) как реакции общественного сознания на форсированную глобализацию, искаженное преломление в массовом сознании тезиса о «бедных» и «богатых» нациях, возрастание частоты социальных конфликтов в странах с экономической переходного типа, развитие транспортных коммуникаций и средств связи, стимулирующих консолидацию различных этнических диаспор» [2].

Современный Нагорный Карабах – это регион, де-юре находящийся в составе Азербайджана, де-факто контролируемый силами самообороны Нагорно-Карабахской Республики.

Сегодня среди российских и зарубежных публицистов нередко звучат оценки Нагорного Карабаха как «крепости» [3]. Нагорный Карабах по многим параметрам можно считать крепостью. Это и 193 км линии соприкосновения, которую в Карабахе называют линией фронта, и постоянные заявления официального Баку о готовности решить «карабахский вопрос» силой. Вариант решения конфликта с применением военной силы остается реальным.

Азербайджан может активизировать военные действия против Нагорного Карабаха. Но нельзя исключать и вероятного наступления армянских военных сил, чтобы, к примеру, взять под контроль те части территории Карабаха, которые по-прежнему контролируют вооруженные силы Азербайджана. Стороны этнополитического конфликта высказываются за мирный путь разрешения, однако отдельные представители политической элиты Азербайджана время от времени, когда переговоры заходят в дипломатический тупик, не исключают возможность военного решения «для восстановления территориальной целостности страны в соответствии с принципами ООН».

По мнению политической элиты Армении, от страны, потерпевшей военное поражение, можно вполне ожидать стремления к военному реваншу. Однако подобные военные угрозы создают атмосферу взаимного недоверия и подозрительности. Азербайджан также высказывает

недоверие по отношению к Армении, подозревая, не без оснований, стремление армянской элиты поддержать независимость Нагорного Карабаха.

До сих пор фиксируются отдельные случаи нарушения прекращения огня. Опасность новой вспышки военных действий реальна. Она обусловлена в том числе и высокой степенью милитаризованности общественного сознания: большая часть азербайджанских политических партий и общественных объединений (включая националистические) требует безоговорочного возвращения всех оккупированных армянскими военными территорий, включая Нагорный Карабах. В этом политическом смысле ни правящие элиты, ни население не связывают особых позитивных надежд с переговорами и миротворчеством.

В Азербайджане выросло целое поколение, которое воспитано на идее обязательного возвращения оккупированных земель. Предлагаемые внешними посредниками варианты урегулирования расцениваются ими как капитуляция. Социальное недоверие и милитаризация общественного сознания приводят к тому, что межкультурные контакты между конфликтующими сторонами, даже на уровне общественных организаций, ограничены.

В Азербайджане беженцы, живущие в палаточных городках фактически десятилетия, с каждым годом все чаще требуют радикальных действий. На выборах карабахские беженцы голосуют преимущественно за представителей оппозиции и националистическую партию «Мусават», надеясь с ее приходом к власти решить вопрос о своем возвращении в Карабах.

Власти Азербайджана по разным политическим причинам не располагают полной поддержкой населения. Поэтому возможность политического маневра объективно является ограниченной. Президент не будет рисковать своей властью и поддержкой в обществе ради достижения целей миротворчества и примирения. И напротив, военное наступление может использоваться как политический инструмент реканализации общественного недовольства и создания «образа врага».

Несмотря на то что военное решение кажется привлекательным некоторым политическим кругам в обеих странах, общественное сознание в самих республиках сдержанно относится к возобновлению военных действий, что делает военный вариант разрешения этнополитического конфликта маловероятным на современном этапе.

Вероятность военного столкновения также сдерживается геополитическими акторами, которые не заинтересованы в повышении уровня этнополитической напряженности в Каспийском регионе. Как указывает Збигнев Бжезинский [4], Азербайджан является одним из ключевых пунктов на «великой шахматной доске». Поэтому американские эксперты [5] предложили экономический вариант разрешения этнополитического конфликта через строительство «мирного нефтепровода» по территории Армении. Цель этой идеи в том, чтобы привязать Армению (а через нее и Нагорный Карабах) к экономическому развитию Азербайджана, и тем самым дерадикализировать региональное этнополитическое пространство.

Международные институты необходимы, поскольку на современном этапе активизация этнополитического конфликта все еще реальность. Прошло почти двадцать лет после прекращения огня, но периодически возникают локальные военные конфликты и пограничные столкновения в виде «ползучей войны». Никто не осуществляет фактический мониторинг межгосударственных и межнациональных границ и линии фронта.

Активизация военных столкновений возможна, поскольку доминирующими социально-психологическими чувствами являются страх и недоверие. Социальное недоверие создает социально-психологическую основу для возобновления военного конфликта. Занимаясь реинтерпретацией общей региональной и советской истории, политических и культурных процессов, общественное сознание конфликтующих сторон дегуманизирует друг друга.

Возможность активизации военных столкновений обусловлена также и высоким символическим значением Нагорного Карабаха для армян. Большое количество потерь привело к тому, что республика стала доминирующим символом армянской государственности. Она может вызвать прилив огромной эмоциональной энергии и активности в случае возможного обострения этнополитического конфликта.

У армян выработался социально-психологический комплекс жертвы. Это набор психологических устремлений и подозрительного отношения к соседям. Он впервые возник после этнической чистки и фактической резни в 1915 году (в некоторых экспертных и дипломатических кругах Анкару уже называют четвертым неофициальным сопредседателем Минской группы). Получился своеобразный дипломатический парадокс. Чем больше дипломаты говорили о необходимости отделить армяно-турецкое примирение от разрешения конфликта вокруг Нагорного Карабаха, тем сильнее два этих вопроса увязывались друг с другом.

Страх снова оказаться жертвой геноцида используется общественным сознанием для создания негатива к азербайджанцам. Этот страх усилился в результате военных преступлений, совершенных до и вовремя нагорно-карабахской войны.

У армян, как и у некоторых других этносов (например, евреев), сформировалось ощущение неустойчивой жизни «малого этноса в условиях враждебного окружения».

Структурное социально-психологическое недоверие к внешнему миру (особенно мусульманскому и тюркоязычному) стало фундаментом недоверия к утверждениям азербайджанской стороны о возможных гарантиях безопасности армянам Нагорного Карабаха, если они вернуться в состав Азербайджана. Социальное недоверие частично основывается на конфессиональном факторе. Хотя оба этноса за годы советской власти десекуляризировались, ислам и христианство превратились в своеобразную форму бытового вероисповедания и социального поведения, среди некоторых армян сохраняется отношение к религии как к фактору этнической консолидации. В армянском общественном сознании церковь (Армянская апостольская церковь) во многом воспринимается как институт самоуправления и социальной организации.

Некоторые социально-психологические установки и стереотипы армян связывают азербайджанцев с турками, что подразумевает потенциальную вероятность нового геноцида. Многие люди как в Армении, так и в Нагорном Карабахе убеждены, что история XX века доказала необходимость раздельного проживания между азербайджанцами и армянами. Чувство опасности и преследования возникло как у армян, так и у азербайджанцев. Многие азербайджанцы убеждены в необходимости использования термина «геноцид» для оценки военных действий, совершенных отрядов самообороны.

Схожие социально-психологические страхи доминируют в общественном сознании азербайджанцев, многие из которых обвиняют армян в иницировании этнополитического конфликта и в тех исторических трагедиях, которые выпали на долю многочисленных беженцев, покинувших территорию Нагорного Карабаха. Обе конфликтующие стороны не признают собственную ответственность за этнополитический конфликт. Психология «зеркального отражения» изображает другую сторону как агрессора. Полные ненависти и страха негативные истории об армянах распространяются в Азербайджане (как и истории об азербайджанцах, распространяются в Армении) посредством и государственного, и независимого телевидения и других СМИ.

Необходимо рассматривать политико-правовые процессы трансформации в Нагорном Карабахе в кавказском контексте, а также видеть внутреннюю институциональную динамику развития непризнанного государства.

Характер динамики современных политико-правовых процессов в Нагорном Карабахе во многом осложняет дипломатический процесс. Для азербайджанской стороны возникает вопрос о том, сможет ли Баку, предлагающий «самую широкую автономию», предоставить карабахским армянам более высокие демократические стандарты и избирательные гарантии. Даже в Азербайджане многие отрицательно отвечают на этот вопрос. Так, известный азербайджанский политолог Хикмет Гаджи-Заде считает, что «даже если Азербайджан будет в три раза сильнее Армении, мир не позволит правительству, угнетающему своих граждан, распространить свою бесчеловечную власть на армянское национальное меньшинство (как мир не позволил диктаторской Сербии восстановить свою власть над Боснией или Косово)» [6].

Необходимо учитывать внутривнутриполитические процессы, происходящих в Нагорном Карабахе в переговорном процессе, поскольку как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические процессы тесно взаимосвязаны.

Известный политолог Х. Вотерман отмечает, что «гражданские войны часто оканчиваются сделкой по поводу политических институтов» [7]. Этнополитическое урегулирование может быть достигнуто также с помощью внешнего дипломатического принуждения ведущих мировых держав. Внешнее вмешательство в зону этнополитического конфликта может иметь несколько проявлений. Вмешательство начинается с того момента, когда третья сторона содействует одной из сторон конфликта или же препятствует предоставлению помощи. Такое содействие может принять форму поощрения продолжения борьбы или же проявляться в виде изменения стратегии конфликтующей стороны. Кроме того, третья сторона может стремиться разрешить этнополитический конфликт самостоятельно, в качестве посредника или же предпринять политические санкции [8].

Посредничество и миротворчество должны быть выдержаны в соответствии с основополагающими нормами международного права. К примеру, в области защиты прав этнических и культурных меньшинств. По мнению известного американского специалиста [9] в области мультикультурализма, этнополитические конфликты невозможно решить, просто полагаясь на развитие индивидуальных прав, необходимо также гарантировать права культурных меньшинств.

Основополагающие нормы международного права отражены в нескольких основополагающих документах. Среди наиболее важных можно указать «Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», принятую 24 октября 1970 года. Одним из принципов межгосударственных отношений, провозглашенных этим документом, является принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями Организации Объединенных Наций. В документе также говорится: «Ни одно

государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от него каких бы то ни было преимуществ. Ни одно государство не должно также организовывать, помогать, разжигать, финансировать, поощрять или допускать вооруженную, подрывную или террористическую деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве» [10].

После Косово, Абхазии и Южной Осетии с правовой точки зрения большая часть непризнанных государств получила институциональные возможности по получению признания. Однако международное признание происходит только при совпадении правовых и политических аспектов. Поэтому вероятность, что в ближайшем будущем независимость Нагорного Карабаха будет признана, пока небольшая. Международное сообщество должно еще «переварить» «новые» государства Косово, Абхазия и Южная Осетия.

В Нагорном Карабахе уверены, что признание независимости республики международным сообществом и / или ключевыми геополитическими игроками (в первую очередь дипломатического признания ждут от России) является лишь делом времени. В Карабахе, как и других непризнанных республиках, тщательно изучают ситуацию вокруг Косово. Формула международного сообщества «сначала демократические принципы, потом статус», предлагаемая для Косово, активно внедряется в политический язык непризнанного государства Карабах. Однако подобная модель этнодемократии может предлагать достаточно высокие стандарты демократических свобод только для титульной нации в ущерб всем остальным.

В Азербайджане не собираются повторять судьбу Грузии. В то же время эксперты советуют развивать горизонтальное взаимодействие между кавказскими республиками. По мнению Владимира Сокоца, «Грузия и Азербайджан должны активно взаимодействовать, поскольку они и развиваются, и деградируют вместе» [11].

Нерешенность «замороженного» этнополитического конфликта и продолжающиеся экономические трудности привели к тому, что даже по официальным источникам и Армению, и Азербайджан в поисках работы и в качестве эмигрантов покинули миллионы человек. Хронический дефицит населения на территориях, в том числе и оккупированных, можно охарактеризовать как «демографическую катастрофу».

Как показывает политико-правовая динамика, этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе в обозримом будущем, скорее всего, разрешен не будет. Институциональная слабость экономической и правовой систем могут деформировать этноконфликтную динамику и снизить вероятностные перспективы миротворчества. Деформация региональных политических структур чревата социальным взрывом и приходом к власти в республиках националистических политических сил, как это уже происходило на Кавказе в начале 1990-х гг.

Для эффективного урегулирования этнополитического конфликта необходима устойчивая институциональная архитектура (включающая парламентскую или президентскую форму правления, тип выбранного избирательного законодательства, размер власти, переданной на субнациональный уровень и т. д.) [12]. На современном этапе для разрешения этнополитического конфликта необходимо последовательное укрепление политических и социальных институтов, в том числе международных институтов, которые помогают создать условия для развития политической стабильности и ослабления этнополитического напряжения, необходимые для мирного урегулирования этнополитического конфликта в Нагорном Карабахе.

Ссылки:

1. Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения. Саратов, 1993. С. 70–71.
2. Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «я». М., 1991.
3. Маммадов И.М., Мусаев Т.Ф. Армяно-азербайджанский конфликт: история, право, посредничество // МЭ и МО. 2009. № 12. С. 132.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее географические императивы. М., 1999.
5. Starr S. Frederick. Resolving Karabakh: Strategic Options for the US Government. Washington, 2004.
6. Гаджи-Заде Х. Вечная война или вечный мир? // Эхо. 2004. 30 июля.
7. Waterman H. Political order and the Settlement of Civil Wars. N.Y., 1993. P. 39.
8. Intervention of Ethnic Conflict. A Publication of the International Centre for Ethnic Studies / ed. by K. M. de Silva a. R. J. May, London, 1991. P. 6.
9. Кумлика W. Liberalism, Community and Culture. Oxford, 1989.
10. «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», принятая 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russ-ian/document/gadocs/convres/r25-2625.pdf> (дата обращения: 22.05.2014).
11. Socor V.A Tale of Two Post-Soviet Countries // Wall Street Journal Europe. 2003. 19 December.
12. Thomas F. Remington's Introduction and Conclusion in Remington / ed. Parliaments in Transition: The New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe. Boulder, 1994. P. 1–28.

References:

1. Mikhailov, VA 1993, *Subjective basis of the national movement*, Saratov, p. 70-71.
2. Abdulatipov, RG 1991, *Nature and paradoxes of national "Me"*, Moscow.
3. Mammadov, IM & Musaev TF 2009, 'Armenian-Azerbaijan conflict: history, law, mediation', *IE and IR*, no. 12, p. 132.
4. Brzezinski, Z 1999, *Grand Chessboard. American Primacy and its geographical imperatives*, Moscow.
5. Starr, S Frederick 2004, *Resolving Karabakh: Strategic Options for the US Government*, Washington.
6. Gaji-Zadeh, H 2004, 'Eternal war or eternal peace?', *Echo*, July 30.
7. Waterman, H 1993, *Political order and the Settlement of Civil Wars*, N.Y., p. 39.
8. Silva, de KM (ed.) 1991, 'Intervention of Ethnic Conflict. A Publication of the International Centre for Ethnic Studies', R. J., May, London, p. 6.
9. Kymlicka, W 1989, *Liberalism, Community and Culture*, Oxford.
10. "Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations", adopted on 24 October of 1970 1970, retrieved 22 May 2014, <<http://www.un.org/russ-ian/document/gadocs/convres/r25-2625.pdf>>.
11. Socor, VA 2003, 'Tale of Two Post-Soviet Countries', *Wall Street Journal Europe*, 19 December.
12. Thomas, F 1994, 'Remington's Introduction and Conclusion in Remington', *Parliaments in Transition: The New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe*, Boulder, p. 1-28.